Валентин ГАФТ:

Сов. культура.- 1990.- 30 июня.- С. 16

«Под маской мы не видим слез...»

— Валентин Иосифович, когда и по какому поводу вы начали писать стихи?

— Сперва писал не стихотворения, а эпиграммы для наших капустников. Но это было очень давно и как-то случайно. Сам был удивлен. А потом Галина Борисовна Волчек придумала у нас спектакль «Дилетанты», где актеры читали свои стихи: Филатов, Смехов, Соколова. А у меня, кроме эпиграмм, ничего не было. И она попросила что-нибудь подсочинить. Я говорю: ну, давай какие-нибудь слова, а я буду сочинять. Она мне называла слово, и я придумывал стихотворение... Вот с тех пор...

Стихи стихам — рознь. Не все надо называть стихами. Не тот поэт, который рифмует. Но я боюсь иногда, что я именно тот поэт, который рифмует, потому что у меня это как-то очень быстро делается. Поэтому они у меня короткие, непродолжительные. На много меня и не хватит, и нет такой задачи. Какие-то этюды, какие-то заметки, какие-то для себя штучки. Я никогда не ставил перед собой такой цели — печататься. Если бы я об этом думал, у меня бы вообще ничего не получалось.

— Вам приписывают много «чужих» эпиграмм. Среди них встречаются ли оригинальные или хотя бы просто любопытные?

— Почти нет. Приписывают очень много. Я уже тысячу раз говорил: единственное, что меня как-то успокаивает, это то, что многие считают ГАФТ не фамилией, а издательством. Но, в общем, я имел массу неприятностей, я получал много писем оскорбительных за то, чего никогда не сочинял. Это неприятно.

А мои эпиграммы... У меня не было чувства зла ни к кому. Абсолютно. Просто очень интересно «расщепить» человека талантливого, что-то перетасовать и получить то же самое, только своим способом. Наверное, иногда это бывает обидно, но я стараюсь делать это деликатно. Почти все, про кого я написал эпиграммы,— люди очень талантливые, и я их всех люблю, ценю и почитаю.

Интервью взял
В. СТОЛЬНИКОВ.

ПЛАХА

На сцене — плаха. Все
фатально.
Беда должна была случиться.
Я перешел границу тайны —
За это надо расплатиться.
Когда идут в разгар игры
Семерка, тройка, туз —
не ахай.
Невидимые топоры
Всегда висят над нашей
плахой.
Загадка есть. Разгадки нет.
Я наступил на темя ямы,
Где кровь смывает с рук
Макбет,
И дремлет пиковая дама.

КОТ
Кошкам Куклачева

Нет, кошку никому
не подчинить.
Она не поддается
дрессировке.
И тайны независимости нить
Не ухватить в загадочной
головке.
Но иногда расщедрится
сама
И сделает кошачье
одолженье,
Чтоб дрессировщик не сошел
с ума,
Все сделает без капли
униженья.

А. И. РАЙКИНУ

Когда смеемся мы — он
плачет.
Под маской мы не видим
слез...

Нет, он совсем нас
не дурачил —
Он с нами говорил всерьез.
И стало страшным то
смешное,
Чем развлекал нас в тупике
Великий шут времен застоя
С седою прядью в колпаке.

КАТЕ МАКСИМОВОЙ

Узор, написанный рукой
природы,
Где непонятна тайна
мастерства.
Здесь — все цветы земли
в лазури небосвода,
Живое чудо в форме
божества.
Ты — легкая, но с грузом
всей Вселенной.
Ты — хрупкая, но крепче нет
оси.
Ты — вечная, как чудное
мгновенье
Из пушкинско-натальевской
Руси.